

А. В. Латков

РЕНТА И АНТИРЕНТА НА ОГРАНИЧЕННО-КОНКУРЕНТНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЫНКАХ

Критически переосмыслен неинституциональный подход к сущности политической ренты. Обосновано понятие «политическая антирента». Рассмотрены формы и значение политической ренты в политическом пространстве в современных партийно-политических системах. Дана количественная оценка ренты и антиренты на политических рынках некоторых государств.

103

The author critically re-considers the neo-institutional approach to the essence of political rent. The notion of political anti-rent is introduced and substantiated. The author considers forms and significance of political rent in the political space of modern party systems. The article provides a quantitative evaluation of rents and anti-rents in political markets of some states.

Ключевые слова: политический рынок, политическая рента, политическая антирента, несовершенная конкуренция

Key words: political market, political rent, political anti-rent, imperfect competition.

К настоящему времени в российском научном сообществе все большее распространение получает мнение, согласно которому эпоха «экономического империализма» в целом заканчивается. Однако, на наш взгляд, такая точка зрения является спорной. Понятие «экономического империализма» связано с мыслью Г. Беккера о том, что экономический подход возможно использовать в целях «обеспечения единой основы в понимании всего человеческого поведения» в различных сферах жизнедеятельности: политической, правовой, семейной, религиозной и т.д. [1]. Прямым следствием такого «империализма» стало распространение экономических терминов, подходов и даже эконометрических методов на другие области научного знания. Этой участи не избежала и политическая наука, где во второй половине XX в. получили распространение такие термины, как «политический рынок», «политический маркетинг», «спрос» и «предложение», «политический товар», его «цена» и «потребители», а также «покупатели», «продавцы», «вкладчики» и т.д. [2] Отметим, что традиция рассматривать «активность участников избирательной кампании как разновидность деятельности по продаже товаров и услуг» восходит к началу 1960-х гг. [3]

В российской политической науке активная дискуссия о сущности политического рынка и его особенностях в российском политическом пространстве развернулась на рубеже 1990–2000-х гг., а первые публикации появились несколькими годами ранее [4]. Этой научной проблеме были посвящены многочисленные публикации в ведущих изданиях, а также диссертационные исследования. В частности, на примере анализа президентской кампании 1995 г. во Франции констатировалось,

что «более чем когда-либо избиратель ведет себя, как покупатель в коммерческом центре» [5, с. 229]. Много внимания было уделено маркетизации реальных политических отношений [6]. Сопоставлялись параметры демократических политических режимов и рыночных механизмов [7; 8]. Политический рынок определялся как «грандиозный политический аукцион» [9], как «место встречи предложения (диспозиций и идентичностей) и спроса (установок и предпочтений)», а в качестве его структурного компонента выделяли особый электоральный рынок [10]. В дальнейшем предпринимались попытки построения гипотетической кривой спроса на политическом рынке [11], а также применить традиционную для экономической теории типологию рыночных структур к исследованию эволюции партийной системы в России [12].

Исследования различных аспектов политического пространства через призму рыночных механизмов продолжались и в последующие годы [13–15 и др.]. Как представляется, один из основных результатов вышеуказанных исследований — вывод о том, что политический рынок по своей сути отличается от обычных рынков экономических благ, но для его исследования целесообразно применять методы экономического анализа.

Такой важный аспект функционирования политических рынков, как рентные отношения, на мой взгляд, фактически остался за рамками критического анализа российских исследователей. Отечественная литература, в которой затрагиваются проблемы политического рентоискательства, как правило, не выходит за пределы установок Вирджинской школы общественного выбора (Дж. Бьюкенен, А. Крюгер, Г. Таллок и др.). В целом эти установки сводятся к следующему: «Поиск политической ренты — это стремление экономических агентов получить экономическую ренту с помощью политического процесса... поставив принуждающую силу государства на службу частных интересов... Политическая рента связана с использованием властных полномочий в экономике, искусственным ограничением конкуренции. Конкуренция при этом... переносится... из экономической сферы в политическую. Вместо затрат на совершенствование экономических благ дополнительные затраты направляются на политическую деятельность: на финансирование политических партий, на лоббирование, на подкуп, взятки и т. п.» (цит. по: [16, с. 45–46]).

Таким образом, политическая рента традиционно рассматривается как обычная разновидность экономической ренты, выделяемая по критерию сферы возникновения (примерно так же, как выделяются земельная рента, горная рента и т. д.). В таком случае политический рынок должен быть обычной разновидностью рынков экономических благ. Однако мы исходим из того, что политический рынок по своим сущностным характеристикам принципиально отличается от экономических рынков (хотя тоже является рынком): представители отечественной науки этот аспект подробно рассматривали и выделили такие отличия. Следовательно, вопросы о сущности политической ренты, ее формах и измерении остаются открытыми.

Целесообразно предположить, что политическая рента и рента экономическая взаимосвязаны, но отождествлять их было бы некорректно. И если экономические ренты уже в момент своего возникновения измеряются, как правило, в денежных единицах, то политическую ренту, по всей видимости, следует мерить другими (неденежными) единицами. Какими? Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, следует увязать с решением проблемы выделения определенных форм политической ренты.

В число задач данной работы не входит всесторонний анализ субъектно-объектной структуры политического рынка. Поэтому в качестве примера возьмем простейшую модель политического рынка, включающую только «продавцов» (баллотирующихся) и «покупателей» (избирателей). «В скобках» следует отметить точку зрения, согласно которой во время самих выборов участники электорального процесса «временно меняются ролями», то есть избиратели становятся «продавцами» своих голосов, а политические лидеры и кандидаты становятся «покупателями» — соискателями этих голосов: «Первые предлагают свой политический “товар” под определенный ангажемент — программу или харизму лидера, тем самым становясь уже не просто продавцами, но и “продающимися”. Лидеры также обладают двойной продающей и покупающей ролевой функцией, так как кандидаты на занятие властных постов имеют особую стоимость: обычную, рыночную, как и прочий товар на рынке, плюс прибавочная стоимость власти» [17, с. 146]. Данная точка зрения не является «мейнстримом» в известных исследованиях политических рынков, поэтому в нашем случае мы абстрагируемся от нее.

Итак, в простой модели «спрос» формируется со стороны множества избирателей, имеющих одинаковую «покупательную способность» (1 избиратель = 1 голос). Можно провести аналогию между конкуренцией «продавцов» (политических партий, избирательных объединений) на политическом (электоральном) рынке за голоса избирателей и конкуренцией продавцов на рынках экономических благ за деньги покупателей. При этом на политическом рынке «продавцов» партийно-политической «продукции» голоса избирателей интересуют не сами по себе, а постольку, поскольку эти голоса конвертируются в депутатские мандаты в представительных органах власти, которые, в свою очередь, при благоприятных условиях можно «конвертировать» в министерские посты, то есть в участие в органах исполнительной власти.

В экономической теории рента понимается как незаработанный, избыточный доход, обусловленный преимуществами естественного (как в случае с дифференциальной земельной рентой) или искусственного (как в случае с монопольной рентой) происхождения. Для последнего случая любое отклонение от совершенной конкуренции порождает различного рода ренты, связанные с той или иной степенью монополизации рынков экономических благ. Искусственные барьеры присутствуют и для политических (электоральных) рынков большинства государств в современном мире. Соответственно, хорошо известный в политической теории и практике «избыточный доход» политических акторов в форме, например, дополнительных депутатских мандатов в представительных органах власти или дополнительного представи-

тельства в органах исполнительной власти может рассматриваться как политическая рента. Ее практическое отсутствие характерно только для пропорциональных избирательных систем с отсутствием (или стремящимся к нулю) избирательного барьера. Во всех других случаях мы наблюдаем присвоение политическими акторами политической ренты. Данное положение проиллюстрируем на конкретных примерах.

Рассмотрим классическую мажоритарную систему выборов в нижнюю палату парламента Великобритании. Система простого большинства уже в течение веков способствует сохранению доминирования на политической арене двух партий, сменяющих друг друга у правительственного руля. С 20–30-х гг. XX в. этими партиями являются консерваторы и лейбористы. Третьей общенациональной партией, существенно отстающей от лидеров, выступают либеральные демократы. Мажоритарная система выборов в один тур способствует широкому проявлению эффекта «полезного голосования», когда многие избиратели голосуют по принципу выбора «меньшего зла». Эффект полезного голосования сам по себе искажает политическое волеизъявление и добавляет голоса избирателей партиям-лидерам, которые они «не заслужили», то есть уже здесь можно вести речь о возникновении политической ренты. Даже если отвлечься от эффекта полезного голосования, политическая рента имеет место в данной системе (табл. 1).

Таблица 1

Результаты общенациональных выборов и политическая рента в политическом пространстве Великобритании, 1997–2015 гг.

Политическая партия		1997	2001	2005	2010	2015
Консервативная партия	% поданных голосов	30,6	31,7	32,3	36,1	36,9
	Избрано депутатов	165	166	197	307	331
	«Норматив» депутатов	202	209	208	235	240
	Рента (+), антирента (-)	- 37	- 43	- 11	+ 72	+ 91
Лейбористская партия	% поданных голосов	43,2	40,7	35,2	29,0	30,4
	Избрано депутатов	419	413	356	258	232
	«Норматив» депутатов	285	268	227	189	198
	Рента (+), антирента (-)	+ 134	+ 145	+ 129	+ 69	+ 34
Либеральные демократы	% поданных голосов	16,7	18,3	22,0	23,0	7,9
	Избрано депутатов	46	52	62	57	8
	«Норматив» депутатов	110	121	142	150	51
	Рента (+), антирента (-)	- 64	- 69	- 80	- 93	- 43

В таблице 1 приведены результаты трех общенациональных партий на парламентских выборах в Великобритании в 1997–2015 гг. «Норматив» депутатов для каждой из них рассчитан как количество мест в парламенте, которое они бы получили при пропорциональной системе и отсутствии барьера для прохождения в парламент. Политическая рента представляет собой положительное значение разности между количеством полученных партиями мест в парламенте и «нормативным» количеством депутатов. При фиксированном количественном составе

нижней палаты парламента борьба за ренту представляет собой игру с нулевой суммой, поэтому «избыточное» количество депутатских мандатов у одних акторов возможно только при недоборе депутатских мест другими. Такой «недобор», представляющий собой отрицательное значение разности между количеством полученных партиями мест в парламенте и «нормативным» количеством депутатов. Обращает на себя внимание интересная тенденция, имеющая отношение к либеральным демократам: чем больше избирателей голосует за эту партию, тем выше значение антиренты для нее. Для простой мажоритарной системы с двумя партиями-гегемонами в аспекте формирования правительства по итогам выборов действует правило «второй и третий – лишний» (исключением стал период 2005–2010 гг., когда у власти стояло коалиционное правительство консерваторов и либеральных демократов, что само по себе являлось исключением для политической истории Великобритании в период после Второй мировой войны). Также по результатам выборов 2010 и 2015 гг. представляется возможным выдвинуть рабочую гипотезу: правительство формирует партия, получившая бóльшую политическую ренту относительно других участников выборов.

В качестве второго примера приведем мажоритарную систему выборов в Национальное собрание Франции, которые проводятся в два тура (табл. 2).

107

Таблица 2

**Результаты общенациональных выборов и политическая рента
в политическом пространстве Франции, 2012 г.**

Избирательное объединение	% голосов в I туре	Получено депутатских мест	«Норматив» депутатских мест	Рента (+), антирента (-)
Социалистическая партия	29,4	280	170	+ 110
Республиканцы	27,1	194	156	+ 38
Национальный фронт	13,6	2	78	- 76
Левый фронт	6,9	10	40	- 30
Зеленые	5,5	17	32	- 15
Новый центр	2,2	12	13	-1
Демократическое движение	1,8	2	10	- 8
Радикальная левая партия	1,7	12	10	+ 2
Радикальная партия	1,2	6	7	- 1
Центристский альянс	0,6	2	3	- 1
Заморские территории (правые)	3,5	15	20	- 5
Заморские территории (левые)	3,4	22	20	+ 2
<i>Другие</i>	3,1	3	18	- 15

Как и в первом случае, политическая рента (или антирента) измеряется количеством дополнительных депутатских мест сверх «нормативного» уровня. Однако есть существенное отличие. По классификации Дж. Сартори, партийная система Франции относится к типу «крайнего плюрализма». Система выборов в два тура благоприятна для своего рода логрولлинга, когда политические партии «обмениваются» своими избирателями в разных округах, призывая голосовать за своих соседей по правоцентристскому/левоцентристскому спектру в случае непрохождения во второй тур собственных кандидатов (во Франции эта система практически сложилась в нынешнем виде еще в 1970-х гг., когда социалисты по инициативе Ф. Миттерана вступили в «конфликтный альянс» с коммунистами). Партии-«изгои», исключенные из такой системы логрولлинга, несут наибольшие потери в виде политической антиренты во втором туре. Этим объясняется, в частности, колоссальное несоответствие количества голосов, поданных за Национальный фронт, и его представительства в парламенте страны, а также в региональных органах власти. Выводом более общего характера является то, что политическая рента фактически является важным способом стабилизации деятельности правительств в условиях крайнего партийного плюрализма.

В некоторых государствах присвоение политической ренты по результатам парламентских выборов, известной под названием «премия большинства», прямо закреплено избирательными законами. Показательным примером является избирательный закон «Италикум», регулирующий процедуру выборов в Палату депутатов парламента Италии с 2015 г. В соответствии с ним победившей партии (или блоку партий) при получении не менее 40 % голосов гарантируется 55 % от совокупной численности депутатского корпуса, то есть 340 мандатов из 630 [18, с. 22–23]. Таким образом, максимальная политическая рента победителей на выборах в нижнюю палату итальянского парламента может достигать 15 % всех депутатских мандатов, то есть 95 мест из 630. Отметим, что подобные законодательные ограничения конкуренции на политическом рынке, предусматривающие «премию большинства» для победителя, традиционны для Италии. В этой связи можно упомянуть «закон Ачербо» от 1923 г., а также «закон Кальдеролли», который применялся на парламентских выборах в 2006, 2008 и 2013 гг.

Искусственные ограничения конкуренции на политическом рынке действуют и при формировании состава верхних палат парламента [19]. Можно также привести примеры, когда политическая рента выступает в иных формах, нежели «добавочные» места в представительных органах власти. В этом смысле интересен опыт функционирования партийно-политической системы ФРГ. В середине XX в. в этом государстве сформировалась «двухполовинная» партийная система: в условиях смешанной избирательной системы наряду с двумя основными конкурентами (СДПГ и блоком ХДС-ХСС) на политическом рынке свою небольшую нишу сумела занять центристская Свободная демократическая партия (СвДП). В ФРГ она установила рекорд непрерывного участия в составе федерального правительства (табл. 3).

Таблица 3

**Электоральные результаты основных политических партий ФРГ,
1969 – 1994 гг.**

Партия		Легислатуры							
		1969/72	1972/76	1976/80	1980/82	1983/87	1987/90	1990/94	1994/98
ХДС/ ХСС	%	46,1	44,9	48,6	44,5	48,8	44,3	43,8	41,5
	фракция	250	234	254	237	255	234	319	294
	место	I	II	I	I	I	I	I	I
СДПГ	%	42,7	45,8	42,6	42,9	38,2	37,0	33,5	36,4
	фракция	237	242	224	228	202	193	239	252
	место	II	I	II	II	II	II	II	II
СвДП	%	5,8	8,4	7,9	10,6	7,0	9,1	11,0	6,9
	фракция	31	42	40	54	35	48	79	47
	место	III	III	III	III	III	III	III	IV

Примечание: Электоральные результаты блока ХДС/ХСС рассчитаны автором по: *Parties and elections in Europe*. URL: <http://www.parties-and-elections.eu/germany2.html> (дата обращения: 11.11.2017).

В таблице 3 серым цветом обозначены участники правительственных коалиций в соответствующих легислатурах. Как видно, при формировании состава федеральных правительств здесь действовало правило «первый или второй – лишний». Свою политическую ренту СвДП получила в форме непрерывного почти 30-летнего делегирования своих представителей на министерские посты, в том числе на второй по значимости пост вице-канцлера и министра иностранных дел. Кроме того, представители этой партии в качестве компромиссной фигуры неоднократно избирались на пост президента ФРГ. «Двухсполовинная» партийная система была ликвидирована только в 1990-х гг. в связи с укреплением позиций «зеленых» и Левой партии на политическом рынке ФРГ, который, тем самым, стал более конкурентным. Таким образом, политическая рента может выступать в форме министерских и других государственных постов.

На примере дуополистической конкуренции на политическом рынке покажем, что политическая рента может возникать и на президентских выборах. Политическая система США характеризуется безусловной гегемонией демократической и республиканской партий, кандидаты которых традиционно сменяют друг друга на высшем государственном посту в этой стране. Искусственным ограничителем свободной конкуренции в этом случае является непрямая система избрания: голосуя за того или иного кандидата на президентский пост, избиратели на самом деле предопределяют состав выборщиков, которые являются последней инстанцией в решении «президентского вопроса». Данная избирательная система порождает случаи, когда волеизъявление

ние пришедших на избирательные участки искажается: президентский пост занимает кандидат, за которого голосует меньшинство избирателей (табл. 4).

Таблица 4

**Результаты президентских выборов и политическая рента
в политическом пространстве США, 2000 и 2016 гг.**

Год	Кандидат в президенты	Партия	% голосов	Получено выборщиков	«Норматив» выборщиков	Рента (+), антирента (-)
2000	Al Gore	Dem	48,4	267	260	+ 7
	George W Bush	Rep	47,9	271	258	+ 13
2016	Hillary R Clinton	Dem	48,2	232	259	- 27
	Donald J Trump	Rep	46,1	306	248	+ 58

На данном примере видно, что политическую «премию» (ренту) можно присваивать в форме дополнительных выборщиков, «незаработанных» в случае прямых выборов. Следует отметить, что после выборов 2016 г. в российских СМИ, освещающих массовые протесты против избранного президента в США, практически не уделяется должного внимания одной из важнейших причин этих протестов: проигравшая Х. Клинтон опередила победителя Д. Трампа более чем на 2 % проголосовавших, что составило около 3 млн голосов, а это очень много даже для США. Обычно и победитель и проигравший присваивают политическую ренту в форме дополнительного количества выборщиков за счет кандидатов-аутсайдеров (либертарианцев, «зеленых» и др.). На президентских выборах 2016 г. «проигравший победитель» Х. Клинтон получила рекордную политическую антиренту. Такое искажение волеизъявления избирателей может поставить на политическую повестку дня в США вопрос о целесообразности сохранения непрямой системы выборов президента.

Выводы

1. В аспекте последовательного анализа политических рынков целесообразно отказаться от господствующей долгое время трактовки политической ренты, разработанной представителями Вирджинской школы общественного выбора. По мнению автора, политическая рента представляет собой своеобразную «политическую премию», полученную по результатам электорального процесса на ограниченно-конкурентных политических рынках.

2. Политическая рента возникает на любых ограниченно-конкурентных политических рынках, которым присущи различного рода отклонения от совершенной политической конкуренции, то есть от си-

стем с прямым, равным и тайным голосованием в условиях отсутствия избирательных барьеров. Она может проявляться в различных формах: дополнительное количество депутатских мест в представительных органах власти; дополнительное количество выборщиков; гарантированное участие в исполнительных органах власти и т. д.

3. Наряду с «политической рентой» на ограниченно конкурентных политических рынках неизбежно возникает «политическая антирента», поскольку в этих случаях наблюдается ситуация «игры с нулевой суммой».

4. Изменение конфигурации партийно-политического пространства (например, трансформация «двухсполовинной» партийной системы ФРГ в шестипартийную) не является достаточным условием исчезновения политической ренты, поскольку политический рынок сохраняет ограниченно-конкурентный характер.

5. Политическая рента может выполнять стабилизирующую функцию в аспекте формирования устойчивых правительств в условиях партийных систем «крайнего плюрализма», их постепенной трансформации в двухпартийные либо «двухсполовинные» партийные системы, а также в аспекте обеспечения преемственности внешней и внутренней политики. В то же время сама политическая рента является формой искажения электоральных предпочтений населения, что формирует предпосылки дестабилизации социально-политической обстановки в отдельных странах.

Список литературы

1. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М., 2003.
2. Нечаев В. Д. Избиратель: покупатель, продавец или вкладчик? // Полис. Политические исследования. 2001. № 6.
3. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. (Habilitationsschrift.) – Neuwied. Berlin ; Luchterhand, 1962.
4. Коноплин Ю. С., Лобанов В. В. Маркетинговый анализ политического рынка и формирование имиджа политического товара. М., 1995.
5. Лебедева Т. Ю. Паблик рилейшнз. Корпоративная и политическая режиссура. М., 1999.
6. Морозова Е. Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. М., 1999. С. 56–89.
7. Пишизова С. Н. Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе (I) // Полис. Политические исследования. 2000. № 2.
8. Пишизова С. Н. Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе (II) // Там же. № 3.
9. Лапкин В. В. Возможности количественного описания электоральной динамики // Там же. 2000. № 2.
10. Дилигенский Г. Г. О политическом рынке и рациональном выборе в российских условиях // Там же.
11. Нежданов Д. В. Политический маркетинг: вчера, сегодня, завтра. СПб., 2004.
12. Данилов М. В. Исследование российской многопартийности: традиции и инновации. Саратов, 2006.

13. *Нежданов Д.В.* Метафора «политический рынок» как методологическая основа политических исследований : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2009.

14. *Недяк И.Л.* Маркетинговый подход к исследованию политических процессов : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2011.

15. *Обухов Д.В.* Политический рынок современной России // Теория и практика общественного развития. 2011. №5.

16. *Виноградова А.В.* Политическая рента в рыночной экономике // Альманах современной науки и образования. 2007. №4 (4). С. 45–46.

17. *Пищулин Н.П.* Политическое лидерство и электоральный процесс // Полис. Политические исследования. 1998. №5.

18. *Современные избирательные системы.* М., 2015. Вып. 10 : Италия, Малайзия, Перу, Сирия.

19. *Тарасов И.Н.* Верхняя палата парламента в условиях посткоммунизма: Россия – Польша – Чехия. Саратов, 2005.

Об авторе

Андрей Владимирович Латков – канд. полит. наук, д-р экон. наук, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС, Россия.

E-mail: latcov-av@yandex.ru

The author

Dr Andrey Latkov, Professor, Saratov Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: latcov-av@yandex.ru